

the arrival of Atatürk. I believe that the cult of Atatürk's personality was based on sacralization of Atatürk's figure, which is another potential venue for comparative study of Kemalism and Bolshevism.

Stylistically, the author seems to overuse the words "misunderstood" and "misused" when characterizing historical perceptions of Kemalism, as if only his own interpretation can be truly adequate. Even if unintended, this language contradicts the book's goal to reconstruct historically evolving and politically determined views of Kemalism (which could be equally adequate in their particular historical contexts). Things can be "understood differently" but not necessarily "misunderstood."

These critical comments only underscore the complexity of Ter-Matevosyan's study of such a controversial and evolving phenomenon as Kemalism. Based on a wide array of primary sources in several languages, including Russian and Turkish archival materials, memoirs, and periodicals, Ter-Matevosyan's book is indispensable for researchers studying the roots of modern Turkey and its ideology. At the same time, it offers an important contribution to the history of the Soviet Union, its ideology and foreign policy.

Вячеслав МЕНЬКОВСКИЙ

Stanislav Kulchytsky, *The Famine of 1932–1933 in Ukraine: An Anatomy of Holodomor* (Edmonton and Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2018). 175 pp., ill. Bibliography. Index. ISBN: 978-1-894865-53-1.

Книга авторитетного украинского историка Станислава Кульчицкого, опубликованная Канадским институтом украинских исследований (*Canadian Institute of Ukrainian Studies*), открывается статьей Богдана Клида (*Bohdan Klid*) "Станислав Кульчицкий: Историк и его труды в меняющиеся времена", в которой автор монографии назван "наиболее плодовитым и известным историком". Действительно, каждый исследователь проблемы голода 1932–1933 гг. в Украине (Голодомора) обязательно обращается к трудам С. Кульчицкого, независимо от того, соглашается он с автором или полемизирует с ним.¹ Кульчицкий исследует историю Голодомора со второй половины 1980-х гг. В то время он работал в Институте истории Академии наук УССР как экономический историк, специализировавшийся на проблематике советской индустриа-

¹ Неологизм "Голодомор" определяется в современных словарях украинского языка как искусственный, организованный властью голод.

лизации межвоенного периода. В 1986 г. по поручению руководящих органов коммунистической партии Украины (КПУ) он вошел в состав специальной комиссии по расследованию голода 1932–1933 гг. Комиссия была создана в ответ на деятельность исследовательской комиссии при Конгрессе США, с 1986 г. возглавлявшейся Джеймсом Мейсом (*James Mace*), и ее публикации. Из материалов американской комиссии следовало, что голод имел искусственное происхождение и был вызван политикой, проводимой большевистской партией против населения Украины.² Выводы украинской советской комиссии были принципиально иными. Советский историк С. В. Кульчицкий считал, что

едва ли можно утверждать, что в национальной политике в СССР не было ошибок или отклонений. Имели место серьезнейшие, широкомасштабные и трагические ошибки. Однако, несмотря на это, все попытки выделить страдания украинского народа путем затушевывания или преуменьшения тягот, вы-

павших на долю других наций (а именно этот способ избирается украинскими националистами, особенно когда речь заходит о русских), несут на себе отпечаток недостатка сознательности со стороны исследователей, а также их очевидной склонности к фальсификации.³

Однако просто отрицать факт голода, как это делалось на протяжении всего советского периода, становилось уже невозможно. Особенно после публикации книги Роберта Конквеста (*Robert Conquest*) “Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом”,⁴ вызвавшей резонанс во всем мире. Автор, один из самых известных и уважаемых исследователей советской истории, пришел к выводу, что голод 1932–1933 гг. был голодом-геноцидом, намеренным уничтожением украинского крестьянства на Украине, Кубани и Северном Кавказе.

Концепцию Р. Конквеста разделяли далеко не все историки. В академической советологии не было исследователей, которые (как это делали советские истори-

---

² Investigation of the Ukrainian Famine 1932–1933. Report to Congress. Washington, DC, 1988; The Great Famine in Ukraine 1932–33 // The Ukrainian Weekly. 1983. Vol. LI. 1983. No. 12.

³ Цит. по Ш. Мерль. Голод 1932–1933 годов – геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С. 60.

⁴ Robert Conquest. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. London, 1986.

ки) отрицали бы наличие голода в Советском Союзе 1930-х гг., но национальная и социальная составляющие трагедии вызвали расхождения оценок. С точки зрения Р. Конквеста сталинский террор голодом был направлен напрямую против украинцев, т.е. украинские крестьяне были обречены властью на голодную смерть именно потому, что они были украинцами. Исследователи советской социально-экономической истории, например Алек Ноув (*Alec Nove*), считали, что сталинская политика была направлена против крестьянства в целом, значительная часть которого была украинской. С этой точки зрения, украинские крестьяне были обречены на смерть, поскольку они были крестьянами. С. Кульчицкий подчеркивает, что эта, длящаяся до сегодняшнего дня, дискуссия контрпродуктивна.⁵ “Невозможно отделить социо-экономическую политику Кремля от национальной политики” (Р. 131).

Интересен рассказ Сергея Максудова о подготовке книги Р. Конквеста и их взаимоотношениях.

В Гарварде я стал научным сотрудником Русского

института и являюсь им до настоящего времени, только Русский институт называется теперь Девис-центром. Кроме того, я стал сотрудником Украинского института. Вместе с Джимом Мейсом, американцем индийского происхождения, мы объезжали украинские общины Америки, записывая рассказы людей, переживших голод 1933 года. Предполагалось, что книгу о Голодоморе будет писать Роберт Конквест, живший в Калифорнии, я буду делать расчеты потерь, а Джим Мейс продолжит собирать материалы. Однако когда Конквест приехал, мы с ним взаимно друг другу не понравились, и он от моей помощи отказался. Тогда я решил писать свою книгу и принял предложение поехать приглашенным профессором в Украинский институт в университете города Эдмонта в Канаде. В Эдмонтоне был собран огромный материал, в том числе литература по проблемам коллективизации и голода.⁶

⁵ Необходимо отметить стиль полемики, которая все больше выходит за рамки научного диалога-спора и превращается в обмен оскорблениями, лишь слегка прикрываемыми научной терминологией. Оппоненты не пытаются понять правду другой стороны, а стремятся заявить о своей позиции, прикрывая превратно понятым патриотизмом нежелание обсуждать степень обоснованности своих научных аргументов.

⁶ Интервью с юбиляром // <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0763/print.php>.

Таким образом, к концу 1980-х годов историю голода уже невозможно было замолчать. При открытии архивов, налаживании контактов с западными исследователями, в условиях политики гласности советские историки не могли придерживаться старых стереотипов и должны были корректировать свои подходы и оценки в соответствии с изменившимися обстоятельствами. С. Кульчицкий отмечал, что его взгляды стали меняться после изучения ранее неизвестных ему архивных материалов. “Тематика голодомора изменила мое отношение к коммунистической доктрине... и методам ее реализации... Осознав, что голодомор не может быть понят в отрыве от остальных сторон советской жизни, я начал анализировать социо-экономические и национальные аспекты политики Кремля” (Р. ххi). В 1989 г. С. Кульчицкий опубликовал серию статей, в которых оценивал голод 1933 г. как результат попытки построения социализма военно-коммунистическими методами. Д. Мейс, ознакомившись с этими статьями, подчеркнул, что советский историк становится просто историком.

В 1991 г., за несколько месяцев до провозглашения украинской независимости, С. Кульчицкий опубликовал первую монографию

о коллективизации и голоде в Украине “Цена ‘великого перелома’”,⁷ в которой пришел к выводу, что в результате санкционированной Сталиным политики голод и геноцид украинской деревни были неизбежны. В книге автор впервые использует термин “Голодомор”, а в отношении сталинского геноцида уточняет, что эти действия были направлены не против украинцев, а против крестьянства Украины.

После обретения Украиной независимости тематика голодомора стала одной из базовых составляющих национальной историографии и исторической политики. Пристальное внимание к проблеме в Украине понятно любому непредвзятому исследователю и, с нашей точки зрения, заслуживает уважения. Мы согласны с украинским историком Г. Касьяновым, писавшим, что “такая масштабная травма, как потеря нескольких миллионов населения на собственной территории в мирное время, с до конца еще не уясненными биологическими, социальными и социально-психологическими последствиями, вряд ли может быть предметом чисто академических дискуссий. Поскольку тема как таковая десятилетиями пребывала под запретом, вполне понятен социально-психологический механизм компенсации

⁷ С. В. Кульчицкий. Ціна “великого перелому”. Київ, 1991.

этого запрета”.⁸ Согласно выводам совместного исследования Института демографии и социальных исследований имени М. В. Птухи НАН Украины и американских ученых, в течение 1932–1934 гг. от организованного советской властью голода умерло 3,9 миллиона граждан УССР. Это 13% тогдашнего населения республики. Именно эта цифра, по мнению ученых, является наиболее достоверной и признанной среди научного сообщества. Общие потери населения Советского Союза от голода оцениваются в 8,7 миллиона человек, причем в абсолютных цифрах наибольшие потери понесла Украина, затем идет Россия, на третьем месте Казахстан.⁹ С 1998 г. День памяти жертв Голодоморов (современная формулировка), который приходится на четвертую субботу ноября, является памятным днем в Украине.

В условиях повышенного внимания к трагедии голода 1932–1933 гг.¹⁰ публикации С. Кульчиц-

кого, ведущего специалиста по этой проблематике, вызвали естественный интерес в стране и мире. Для англоязычной публикации в Канаде автором был подготовлен исправленный и дополненный вариант монографии “Украинский голодомор в контексте политики Кремля начала 1930-х гг.”¹¹ В книге шесть глав: “Рождение государства-коммуны”, “Первый штурм”, “Великий перелом”, “Колхозная система в период сталинской продразверстки”, “Сокрушительный удар”, “Голодомор”.

Восстанавливая хронологию событий, автор отмечает, что голод первой половины 1932 г. был вызван конфискацией урожая зерна 1931 г. Поскольку у крестьян конфисковали почти весь урожай 1931 г., они практически перестали работать в колхозах, и в результате значительная часть урожая зерна 1932 г. была потеряна. Для того чтобы вернуть крестьян в колхозы, власть лишила их любых альтернативных источников существования (в том числе ис-

⁸ Г. Касьянов. Разрытая могила: голод 1932–1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 242.

⁹ Науковці уточнили кількість жертв голодомору // <http://www.istpravda.com.ua/short/2015/11/27/148762/>.

¹⁰ Глава Ассоциации исследования голодоморов в Украине Василь Марочко отметил, что на 2013 г. в мире насчитывалось около 18 тыс. публикаций по истории голода 1932–1933 гг. В. Марочко. Територія голодомору: термінологічний та соціально-демографічний дискурси // *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвідомчий зб. наук. праць*. Вип. 22 / Відп. ред. С. В. Кульчицький. Київ, 2013. С. 167.

¹¹ Станіслав Кульчицький. Український Голодомор в контексті політики Кремля початку 1930-х рр. Київ, 2014.

точников питания). Конфисковывался урожай с личных участков земли; крестьянам запрещалось покидать их деревни; осуществлялась информационная блокада, т.е. запрещалась любая информация о голоде; запрещались любые формы помощи голодающим. В течение нескольких недель сельские жители оказались на грани жизни и голодной смерти. И когда миллионы людей начали умирать, государство перешло к дозированной поддержке только работников коллективных хозяйств. Таким образом, террор голодом был использован для того, чтобы заставить крестьян работать в колхозах.

Автор стремится обратить внимание на неточность некоторых сложившихся мифов и стереотипов: чаще всего голод ассоциируется с Украиной, но демографическая статистика показывает, что больше половины жертв погибло за ее границами; принято считать, что от голода умирали только крестьяне, но на самом деле жертвами голода стали и городские жители; “всесоюзный” голод 1932–1933 гг. должен быть отделен от украинского голодомора и массового голода в некоторых других регионах Советского Союза (Р. хix). Он также пишет о неправомерности

использования термина “украинский холокост” по отношению к периоду голода 1932–1933 гг. В отличие от Холокоста, долговременной этнической чистки, голодомор был террористической операцией, направленной на преодоление экономического кризиса, возникшего неожиданно и угрожавшего потерей власти кремлевским строителям коммунизма (Р. 134).

На сегодняшний день в юридическом отношении для Украины дискуссия о голоде 1932–1933 гг. закончена. В Украине в 2006 г. принят закон о Голодоморе 1932–1933 годов, и там определено, что Голодомор – геноцид украинского народа. Согласно социологическим опросам, 86% украинцев признают Голодомор геноцидом, на уровне коллективной памяти это событие уже зафиксировано как геноцид.¹² Подобные оценки приводил и бывший глава Института национальной памяти В. Вятрович, отмечая, что 81% украинцев считают Голодомор геноцидом.¹³ С. Кульчицкий в заключительной части монографии также дает крайне жесткую оценку трагедии 1932–1933 гг., определяя голодомор как самую мрачную страницу в многовековой истории украинского народа (Р. 148).

---

¹² Историк Касьянов: гнусно всегда пересматривать цифры умерших от Голодомора // <https://rian.com.ua/interview/20161127/1019083515.html>.

¹³ В Национальном музее “Мемориал жертв Голодомора” открылась выставка “Люди правды” // Gordon.ua. 2015. 25 ноября. <http://bit.ly/2SLVFTH>.